УДК 364.12
М717

Мищериков Андрей Александрович

аспирант кафедры философии и политологии
Краснодарского государственного университета культуры и искусств
androni@inbox

БЕЗОПАСНОСТЬ И СВОБОДА ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация:
В статье рассматриваются вопросы места и роли государства, общества и личности в формировании общей системы безопасности. Проблема противоречия между свободой личности и ее безопасностью в информационном обществе, необходимости контроля над личностью и ее свободой.

Ключевые слова: личность, безопасность, коммуникация, информационное общество, виртуальная личность, свобода.

Российское общество сейчас стоит на пути трансформации, модернизации и важных социально-политических изменений. Модернизация – это сложный процесс, в результате которого подвергаются переосмыслению все сферы жизнедеятельности. Происходит как бы переход из одного состояния общества в совершенно иное состояние, определяющееся новыми функциональными возможностями. Именно в этот период система общественных отношений и личность, в частности, подвергается существенным потрясением. Результат данных процессов может негативно сказаться на уровне безопасности личности и в значительной степени снизить общий уровень безопасности. Поэтому особенно актуальным становится вопросы защиты интересов общества и личности.

В зависимости от того, кто выступает субъектом или объектом – отдельный человек, общество, государство или сообщество государств, – устанавливается тот или иной уровень безопасности. Всего можно выделить следующие уровни:

1) личная или индивидуальная (individual) безопасность;
2) социетальная (societal) безопасность или безопасность общества;
3) национальная (national) безопасность или безопасность государства;
4) международная (international) или коллективная (collective) безопасность;
5) всемирная или глобальная (global) безопасность.

Промежуточными уровнями так же выделяют уровень между индивидом и обществом либо государством – групповой, или уровень общности (entity), между национальным уровнем и международным либо глобальным – региональный (regional) [1].

В современной науке личность, общество и государство рассматриваются как основные объекты безопасности и вместе с тем как ее субъекты, обладающие правами и обязанностями по участию в обеспечении безопасности. Выделение и соблюдение баланса жизненно важных интересов личности в информационном обществе рассматривается как один из основных принципов обеспечения безопасности государства.

Рассматривая понятие «информационное общество» и соотнося его с понятием «общество на основе Интернета», мы можем сказать, что эти понятия противоречат друг другу [2]. Если проанализировать представления большинства теоретиков об информационном обществе (Д. Белл, А. Турен, Э. Тоффлер, Ф. Махлуп, Й. Масуда, П. Дракер, М. Маклюэн, З. Бжезинский), то можно определить, что информационное общество должно удовлетворять следующим критериям:

– определяющим фактором общественной жизни в целом является научное знание;
– уровень знаний, а не собственность, становится признаком социальной дифференциации;
– социальная организация и информационные технологии образуют «симбиоз».

Модели информационного общества оказались актуальны в определении современной социальной действительности в первую очередь потому, что их авторы отождествляли информацию и знание. Однако современный информационный мир основывается не на знании, а на коммуникации и интерпретации [3]. Факт сам по себе не несет смысловой нагрузки, важным становиться его информационное представление и дальнейшая передача к участникам информационного обмена. В Интернете не создается никакого знания, но зато он многократно увеличивает возможности осуществления коммуникаций.

Человек все больше погружается в виртуальную среду. Виртуальный мир обладает своими особенностями, он предполагает принципиальное отсутствие телесности. Создатель виртуальной личности, как правило, остается анонимен. В связи с этим возникает вопрос: можно ли вообще говорить о существовании виртуальной личности как личности? Жизнь человека в виртуальном мире превращается в калейдоскоп образов, в набор ролей (аватаров), им же самим и созданных. Что в свою очередь может грозить личности потерей своей идентичности.

Отсутствие регулирования электронного предпринимательства в Интернете, так же как и методов борьбы с экстремизмом и киберпреступностью, представляет собой прямую угрозу для личности. С другой стороны, Интернет как техническое средство этически нейтрален. Он может использоваться и для раскрытия творческого потенциала личности, расширения ее свободы.

Попытки создания философских моделей описания современности на базе понятия виртуальности были практически одновременно предприняты в Германии – А. Бюлем и М. Паэтау – и в Канаде – А. Крокером и М. Вэйнстейном. Модели А. Бюля, А. Крокера и М. Вэйнстейна восходят к традиции исторического материализма К. Маркса [4].

Одной из первых теорий виртуализации является теория, разработанная А. Крокером и М. Вейнстейном и представленная в их книге «Отходы информации. Теория виртуального класса» [5]. В ее основе лежит понятие «воля к виртуальности» – это своеобразная критика культуры у Ницше, влияние виртуальной реальности на современную трансформацию общества. Воля к виртуальности представлена в виде движущей силы, носителем которой является виртуальный класс, образуемый «киберкапиталистами». «Киберкапиталисты» – это собственники и управляющие компаний, создающих и применяющих компьютерные технологии.

Новый тип производственных отношений в своем формировании выступает в качестве нового базиса капитализма на основе развития нового типа производительных сил. «Виртуальной производительной силой» виртуальная реальность превращается в капитал. Здесь возникает угроза отчуждение человека от реальности, когда человек полностью погружается в искусственную реальность. Реализовывая себя в виртуальном пространстве, он только подпитывает виртуальный капитал, сформированный на новой виртуальной идеологии, существующей в форме рекламы виртуальной утопии.

В теории виртуального общества А. Бюля, представленной исследователем в его работе «Виртуальное общество. Экономика, политика и культура под знаком киберпространства», говорится о том, что с развитием технологий компьютеры из вычислительных машин превратились в универсальные машины, которые создают «зеркальные миры». В каждой подсистеме общества образуются «параллельные» миры, в которых функционируют виртуальные аналоги реальных механизмов воспроизводства общества. А. Бюль говорит о симуляции, замещении привычных материальных атрибутов виртуальными аналогами. Аналоги реальных социальных механизмов позволяют функционировать виртуальному обществу, то есть сам процесс замещения реальных процессов виртуальными аналогами есть виртуализация. Новое виртуальное пространство, по А. Бюлю, это новая сфера экспансии капитализма, оно конституирует новый виртуальный способ производства, который, со своей стороны, формирует классовую и социальную структуру.

А. Крокер и М. Вэйнстейн делают акцент на критике — разоблачении киберкапитализма как системы, порождающей новый тип неравенства и эксплуатации. Владельцы компаний, производящих программное обеспечение и предоставляющих доступ в Internet, рассматриваются как ядро нового господствующего класса, движимого волей к виртуальности и превращающего виртуальную реальность в капитал.

Модель «виртуализации социального» М. Паэтау базируется на теории Н. Лумана [6], в которой общество определяется как система коммуникаций. Общество становится похожим на виртуальную реальность. Паэтау интерпретирует возникновение гиперпространства сети Internet как результат «использования» обществом новых форм коммуникации для самовоспроизводства — «аутопойесиса», по терминологии Лумана. Мыслитель справедливо полагал, что общество использует новые формы коммуникации для воспроизводства, и эти новые формы начинают, в свою очередь, влиять на общество, вносят вклад в производство социальности. Здесь кроется другая значимая угроза безопасности личности – неконтролируемость перехода виртуальных коммуникаций в пространство реальной социальной действительности.

Существует несколько традиций рассмотрения проблемы безопасности личности в информационном обществе. С одной стороны, это теории, связывающие рассмотрение понятия безопасность с ограничением личной свободы. В этих теориях безопасное поведение личности можно определить как право личности в правовых рамках или же в рамках общественных норм в той или иной сфере реализовывать себя. А гарантом этого права выступает общество

или государство. Таким образом, понимаемое право на безопасность предполагает существование условий ограничителей личной свободы, способствующих его осуществлению.

Примером подобного рода теорий в информационном обществе может служить «Декларация прав цифрового человека» Андре Сантини [7]. Он обращает внимание на то, что не противопоставление государству, а сотрудничество с ним должно гарантировать свободу индивидуума, плюрализм мнений и образа жизни. Сантини призывает поступиться принципом индивидуальной свободы ради безопасности существования и работы в цифровой среде, предотвращения электронной преступности и терроризма.

Современное общество порождает множество новых технологий, которые становятся инструментом власти над личностью. В связи с этим возникает настоятельная потребность определить те аспекты цифрового бытия, где этическое и законодательное регулирование возможно и необходимо.

В противовес данной позиции выступают более либеральные теории безопасности личности в информационном обществе, одним из выразителей которых является Джон Перри Барлоу и его «Декларации независимости киберпространства» [8]. Он выступает за полную свободу личности в информационном пространстве. «В киберпространстве нет не только национальных или местных границ для локализации преступления и определения метода его расследования, нет в нем и ясных культурных соглашений по поводу того, в чем именно преступление состоит» [9].

Децентрализованность, отсутствие иерархической системы ценностей провозглашаются фундаментальным свойством мира. Кардинально меняется и трактовка понятий «человек» и «его личность». Организующим принципом культурной жизни человека становится принцип трансформации. Свобода личности становиться гарантом ее безопасности. «Технология развивается резкими рывками, напоминающими гротескно убыстренные скачки биологической эволюции. Условия реального мира будут и далее изменяться с головокружительной быстротой, и закон все более будет отставать от них, и хаос будет расти. Это несоответствие неизбывно».

Конечно, теория Барлоу позволяет противостоять «электронному тоталитаризму», но ее реализация утопична по своей сути. Основная идея информационного общества Барлоу состоит в том, что бы преодолеть цифровое неравенство и в наиболее полной мере добиться осуществления электронной демократии.

Но до сих пор остается актуальным ряд угроз безопасности личности в виртуальном мире.

Во-первых, это проблема неравенства внутри общества по отношению к информационным ресурсам. В обществе происходит дифференциация на тех, кто имеет необходимые средства, чтобы технически обеспечить доступ к различной информации, и тех, кто этих средств не имеет.

Во-вторых, через Интернет распространяются информационные материалы, прямо угрожающие здоровью человека, дезориентирующие личность, в которых человек рискует потерять самоосознание в реальном мире.

В-третьих, экстремистские и манипулятивные материалы, использующиеся для навязывания образа и стиля мышления, формирующих из личностей «информационных зомби».

В-четвертых, посетители виртуальной реальности не застрахованы также и от экономического мошенничества.

Стоит вопрос: как же защитить личность в информационном мире, так чтобы она не потеряла своих прав и свобод. Очень важно в погоне за безудержным технологическим прогрессом не проглядеть личность, ее потребности в безопасности.

Проблема противоречия между свободой личности и безопасностью до сих пор является предметом спора. Сегодня решение этой проблемы становится ключом к пониманию вектора общественного развития. Важность согласования свободы личности с общественной необходимостью несомненна. Государство и общество обязано осуществлять защиту жизненно важных интересов личности, ее основных прав и свобод. Функция же правового государства состоит в обеспечении гарантий этих прав и свобод с использованием принципа «разумной достаточности» [10].

Сущность этого принципа сводится к предотвращению возможных угроз безопасности для общества и государства, к недопущению диктата по отношению к отдельной личности. И тем самым решается вопрос об уровне свободы личности и его ограничении общественной необходимостью.

Создание такой «социальной» системы безопасности позволит стабилизировать общественное развитие при условии сохранения автономии свобод личности и согласованности уровней безопасности личности и государства.

На развитие имеют права обе теории: и первая, и вторая. Какой из путей ведет к безопасному обществу, сейчас мы сказать не можем. Замыкаться на государстве, строить полицейское государство, конечно, проще, чем быть обращенным к человеку, но отвечает ли это современным

общечеловеческим ценностям? Концепция безопасности настаивает на множественности, разнообразии, но, тем не менее, взаимозависимости всех субъектов безопасности в мире.

Концепция безопасности в наибольшей мере реализована в развитых странах, где по многим причинам и в первую очередь благодаря уже достигнутому уровню безопасности человеку легче ориентироваться в вопросе безопасности и личной свободы. Она была рождена интеллектуальной элитой, и может быть нам следует искать ответ в социализации личности «безопасного типа», в культурном и нравственном развитии общества?

Ссылки:

1. Фененко Ю. Безопасность личности как научная проблема. ULR: http://www.nemchenko.ru/wind.php?ID=425679&soch=1
2. Иванов Д.В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема. ULR: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/divanov.html
3. Kroker A., Weinstein M. Data trash: the theory of the virtual class. Montreal, 1994; Иванов Д.В. Виртуализация общества // Социология и социальная антропология. СПб., 1997; Иванов Д.В. Императив виртуализации. Современные теории общественных изменений. СПб., 2002; Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002.
4. Иванов Д.В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема. ULR: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/divanov.html
5. Kroker A., Weinstein M. Data trash: the theory of the virtual class. Montreal, 1994; Иванов Д.В. Виртуализация общества // Социология и социальная антропология. СПб., 1997; Иванов Д.В. Императив виртуализации. Современные теории общественных изменений. СПб., 2002; Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002.
6. Посконина О.В. Общественно-политическая теория Н. Лумана: методологический аспект. Ижевск, 1997.
7. Горный Е. Цифровой человек и его права. ULR: http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/texts/chart_hd.html.
8. Барлоу Дж.П. Декларация независимости киберпространства. ULR: http://www.zhurnal.ru/stanff/gorny/translat/deklare.html.
9. Там же.
10. Скородумова О.Б. Виртуальная личность и свобода // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2004. № 2. С. 75–96.